

Закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, он всё ещё чувствовал, как несколько ярких лучей света проникают сквозь веки, ослепляя его. Звук из динамиков то усиливался, то ослабевал, и, перетерпев объявление и первый мощный вокальный номер, Лу Шицин почувствовал, как его веки и барабанные перепонки начали подёргиваться. Услышав, как второй исполнитель начал петь, и заметив, что любовная баллада постепенно перешла в плач, он наконец не выдержал и открыл глаза.

Что это за удивительный концерт?

Неужели это не специальный курс, организованный школой для тренировки терпения студентов?

— Ты так растрогался этой искренностью, что не можешь уснуть? — Чэнь Фан, не двигаясь, тихо произнёс.

— Ты тоже не спишь, — ответил Лу Шицин, глядя на затылок парня на сцене, который показался ему знакомым. Похоже, это был тот самый, кого он обогнал на дневных соревнованиях по бегу. — Блин, неужели он из-за плохого результата на соревнованиях выплёскивает свои эмоции через песню?

Чэнь Фан усмехнулся, всё ещё не открывая глаз.

— Брат Фан, может, не будем спать, всё равно не уснём, — Лу Шицин слегка подвинул плечо, на котором лежал Чэнь Фан. — Давай выйдем, здесь слишком шумно, найдём тихое место.

— Обычно ты сбегаешь с самоподготовки, но даже с такого редкого развлечения, как концерт, тоже хочешь сбежать, — Чэнь Фан поднял голову, открыл глаза и с улыбкой подколот его.

— Если это считается развлечением, то самоподготовка и подавно, — Лу Шицин взял костыль, прислонённый к стене, и спросил:

— Пойдём?

— Ладно.

Выйдя через заднюю дверь зала, они оставили оглушительную музыку позади.

Лу Шицин выдохнул долгий поток воздуха, и прохладный ветерок, ударивший ему в лицо, унёс большую часть ощущения тяжести в голове. Они бесцельно бродили, пока не дошли до трибуны. Лу Шицин опёрся костылём на ступеньки и начал подниматься, а Чэнь Фан следовал за ним, пока они не достигли самого верха.

На высоте ветер стал сильнее, и свет был ярче. Холодный лунный свет пробивался сквозь их близко стоящие тела, отбрасывая на землю слившиеся, неразделимые тени.

Лу Шицин с облегчением глубоко вдохнул, ощущая странное чувство: хотя воздух был прохладным, всё его тело казалось тёплым, как будто пропитанным ароматом Чэнь Фана.

Хотя из-за потери обоняния он не мог почувствовать запах, а феромоны беты сами по себе были слабовыраженными, присутствие Чэнь Фана было реальным.

Оно рассеивалось в ветре, смешивалось с лунным светом, было абстрактным и невыразимым, но при этом таким осязаемым, окружая его повсюду.

А Чэнь Фан стоял рядом с ним, и в этот момент среда, передающая его аромат, казалась излишней.

Две тени слились в одну, когда Лу Шицин развернулся и обнял Чэнь Фана.

— Что вдруг?

Руки Чэнь Фана обняли тело Лу Шицина, а его подбородок лег на плечо парня.

— Не знаю, — голос Лу Шицина был приглушён, так как его подбородок и рот уткнулись в шею Чэнь Фана. — На самом деле, я часто не знаю. Например, когда ты впервые привёл меня на мост через залив, я до сих пор не понимаю, почему вдруг обнял тебя. Но я просто хотел обнять тебя, очень хотел, не мог себя контролировать.

— Не нужно себя контролировать, парень. Хочешь обнять — обнимай, — Чэнь Фан усмехнулся и тоже крепче обнял Лу Шицина.

На самом деле, каждый спонтанный объятие Лу Шицина воплощал его несмелые ожидания.

Раньше он только тайно мечтал, не имея достаточно смелости, боясь, что это лишь его одностороннее желание, что он пытается втянуть Лу Шицина в свою жизнь. Но он не ожидал, что в тот вечер, после неожиданного объятия, Лу Шицин внезапно сам ворвался в его жизнь.

Как луч света.

Ярче, чем неоновые огни моста через залив, он в одно мгновение осветил весь мир.

— В новогоднюю ночь ты спросил, что я чувствую, когда обнимаю тебя, — Лу Шицин сделал паузу. — Ты думал, что это был порыв?

— ...Да, — признал Чэнь Фан. Он всегда боялся быть уверенным, опасаясь, что чувства, проявленные в порыве, могут быть в любой момент отозваны.

В сырой и тёмной пропасти он был тяжело отягощён, постоянно разъедаем, и как бы он ни карабкался, выход был далёк. Никто никогда не предлагал ему даже капли любви, чтобы поднять его.

Пока луч света не проник внутрь. Возможно, это было случайно, но свет был настолько притягательным, что он не мог удержаться, чтобы не протянуть руку, хотя боялся, что ладонь останется пустой.

— Не вини себя. Я тоже сомневался, потому что тогда вообще не мог думать. Но потом я всё обдумал и понял, что это не был порыв, — сказал Лу Шицин. — Потому что с самого начала я всегда хотел быть ближе к тебе, сознательно или нет, и сам не понимал, почему. Сейчас я понимаю, что это было что-то вроде инстинкта, желания выжить... Чувствуя твой аромат, я будто заново оживал.

— Аромат?

Чэнь Фан задумался. Его феромоны не имели запаха. Мог ли бета почувствовать его аромат?

— У меня нет обоняния, я не чувствую запахов. Хотя мы оба... беты, но я чувствую тебя, брат Фан, — Лу Шицин глубоко вдохнул, уткнувшись в шею Чэнь Фана. — Ты мой кислород.

Кислород.

Какое прекрасное слово.

Настолько прекрасное, что он боялся, что, соприкоснувшись с ним, он может его осквернить.

Чэнь Фан никогда не думал, что его безвкусные омега-феромоны, которые с рождения считались дефектом, такое призрачное существование, однажды будут уловлены человеком без обоняния, и этот человек скажет ему, что они — его кислород, необходимый для жизни.

Лу Шицин был сияющей звездой, как он мог захотеть прийти сюда и обнять человека, выросшего в грязи?

Но он обнимал его так крепко.

Почти с уверенностью, что они могут идти вместе, далеко-далеко.

— Ты прекрасен такой, какой есть. Даже без обоняния. Нам не нужны никакие феромоны, чтобы быть вместе, — голос Чэнь Фана дрожал, но он крепче обнял Лу Шицина за талию. — Я тоже буду крепко обнимать тебя... Мы будем вместе, хорошо?

— Обними ещё крепче, — сказал Лу Шицин.

Чэнь Фан напряг руки.

— Так нормально?

— Ты сильнее, чем я думал, — Лу Шицин усмехнулся, как будто что-то в его сердце успокоилось, когда Чэнь Фан крепче обнял его. Он глубоко вздохнул. — Конечно, мы можем.

Издали, из зала, донеслись весёлые мелодии, подходящие к атмосфере. Лу Шицин подумал, что, может быть, стоит поднять Чэнь Фана и покружить его, но тут же решил, что это будет слишком глупо, и Чэнь Фан, возможно, посчитает это странным. Пока он раздумывал, вдруг услышал громкий голос с трибуны:

— Эй, вы там, обнимающиеся, из какого вы класса?

Из какого класса...

Класса...

Эхо разнеслось по стадиону.

Этот уникальный тон и старомодное содержание — Лу Шицин слышал их раньше в других ситуациях. Это точно был толстый завуч, отвечающий за проверку дисциплины и ранних романов.

Ещё до того, как первое эхо полностью исчезло, Лу Шицин понял, что происходит, и вдруг почувствовал что-то вроде: «Наконец-то дошло и до меня».

Немного нервно, но и с долей возбуждения.

Но вскоре он осознал, что что-то не так. В конце концов, это был тайный роман, и нельзя было слишком наглеть. Нужно было проявить должное осознание и действовать.

— Бежим! Сюда! — Лу Шицин схватил Чэнь Фана, не забыв взять костыль, и они побежали в противоположную сторону от звуков шагов, спустились с трибуны и через несколько маленьких дверей сделали несколько кругов, пока не перестали слышать стук каблуков завуча.

Этот роман был полон острых ощущений.

Лу Шицин и Чэнь Фан спрятались в маленькой кабинке мужского туалета за трибуной. Уровень гормонов в их телах взлетел после схватки с завучем, и они тяжело дышали. Их груди случайно соприкасались при каждом вдохе, дыхание касалось тел друг друга.

— Твоя нога... всё в порядке? — тихо спросил Чэнь Фан.

Нога? Что с ней?

Лу Шицин посмотрел на два костыля в своей руке. В спешке он забыл об этом и даже не заметил, что что-то не так.

Он не знал, как назвать свои чувства — радостью или шоком, но, когда Чэнь Фан напомнил ему, часть мозга, отвечающая за боль, снова заработала, и восстановившаяся боль была как будто новым разрывом мышц.

— Блин!

<http://bllate.org/book/16746/1540164>